

СИБИРСКИЕ КСЕНДЗЫ В 1920–30-х гг.

(К ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ)

Вся многовековая история Католической Церкви в России, в том числе и в Сибири, изобилует страницами, повествующими о гонениях и притеснениях со стороны светских и церковных православных властей. И среди этих страниц — открытая и до конца еще не только не прочитанная, но даже не написанная страница самого драматического периода ее истории — периода господства большевистского воинствующего атеизма.

Следует сказать, что буржуазная революция 1917 г. в России вначале повлекла за собой коренной переворот в отношениях между Государством и Церковью, который в целом можно охарактеризовать как демократический и справедливый по отношению ко всем инославным конфессиям в России. Временным правительством было заявлено о своей решимости уничтожить все те преграды, которые мешают новому демократическому строю стать внеконфессиональным. Это, в основном, соответствовало конституционным основам светских государств нового времени¹.

После октябрьского переворота большевики действительно уравнивали все Церкви и религии между собой. Но уравнивали не в возможности свободно развиваться во славу Христа, а в возможности одинаково быть униженными, гонимыми и уничтоженными. Именно с 1917 г. настали самые черные времена как в жизни России в целом, так и в жизни всех верующих россиян независимо от их конфессиональной принадлежности.

Свою горькую чашу испытаний пришлось нести в эти годы и сибирским католикам совместно со своими священниками, явившими подлинную высоту, величие и благородство христианского религиозного духа и запечатлевшим свою верность Христу праведной мученической кровью. И все же следует сказать, что начались большевистские репрессии против Католической Церкви и ее священников не в Сибири, а в Европейской России, где католиков и их духовных пастырей было значительно больше, где советская власть раньше установила свой железный порядок и соответствующие отношения с религией.

Первым ударом новой власти по Католической Церкви и ее священникам в России стал арест митрополита фон Роппа. Однако вскоре — уже в 1919 г. — Ватикану удалось добиться его освобождения и высылки в Польшу². Впоследствии действия властей против католиков стали более жесткими, целенаправленными и всеохватывающими. Волна репрессий, организованная чекистами и Антирелигиозной комиссией Политбюро ЦК РКП(б), длилась с 1922 по 1929 г. Начавшись в центре страны, она в скором времени докатилась до каждого города, до каждого населенного пункта.

В период гражданской войны многие сибирские католики и их духовные пастыри однозначно не поддержали и не одобрили действия большевиков, но по-разному отнеслись к власти белых генералов. Часть католиков признала власть адмирала Колчака в Сибири, и

¹ Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917–1990 гг. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. С. 30.

² Религия и демократия: На пути к свободе совести. Сост. А. Р. Бессмертный. С. Б. Филатов. М.: Прогресс-культура, 1993. Вып. II. С. 491.

Ватикан в лице Папы римского Бенедикта XV уполномочил томского декана о. Иосифа Демикиса представлять при правительстве А. В. Колчака высшую церковную католическую миссию в Сибири³. В составе легионеров польской армии, формировавшейся в Сибири, были и католические священники, разделившие все перипетии ее судьбы.

Другая часть сибирских католиков, главным образом патриотически настроенных поляков, не поддержала лидеров белого движения в стремлении выступить единым фронтом против Красной армии, так как генералы проповедовали идею «единой и неделимой России» и давали полякам слишком туманные заверения в их национальном самоопределении. Подобные взгляды выражали не только поляки из числа политических деятелей, но и представители католического духовенства, в результате они подвергались репрессиям со стороны колчаковской администрации.

Так, в 1918 г. в ссылку в п. Маличевку Томского уезда был отправлен кс. Грабовский за то, что открыто высказывался в своих проповедях и в католической газете, которую издавал в г. Уфе совместно с выпускником юридического факультета Томского университета Валентином Компановским, против участия польских легионов на стороне Белой армии⁴. В 1920 г. с приходом к власти большевиков положение кс. Грабовского, как и других католических священников, еще больше усугубилось. Грабовский стал подвергаться травле и преследованиям со стороны местного секретаря партийной Сидора Вудцана, по доносу которого и был отправлен в губчека, но вскоре освобожден по амнистии. Выйдя из тюрьмы, ксендз возвратился в свой приход, но вновь стал объектом травли и гонений со стороны местных властей. Один партийный функционер из числа польских коммунистов, посетивший глухой сибирский поселок в 1920 г., беседовал с ним и потом докладывал, что Грабовский — типичный образец католического священника. В беседе Грабовский откровенно заявил, что не может сочувствовать коммунистам, так как те выступают против частной собственности, а для него частная собственность — это «забронированная святость». Вскоре неукротимый ксендз вновь был арестован ЧК и расстрелян⁵. Впрочем, мы пока не можем точно установить место и дату расстрела кс. Грабовского, как и другие сведения из его биографии, потому что чекистское архивно-следственное дело на него не сохранилось. Может быть, и не было никакого «дела»: расстреляли без всяких формальностей — и все. Не сохранилось архивного дела, по уверению работников Томского УФСБ, и на ксендза п. Тимофеевского Барабинского округа Ивана Аудора, арестованного в 1920 г. и заключенного в концлагерь «до окончания гражданской войны»⁶. Очевидно, они были первыми католическими священниками в Томской губернии, ставшими жертвами большевистского произвола. За ними последовали другие.

Начальными мерами репрессивного характера против Церкви в России, в том числе и Католической Церкви, со стороны большевиков стали секуляризация (изъятие) церковных земель и требование о заполнении священниками анкеты-расписки об их лояльном отношении к Советскому государству и декрету об отделении школы от Церкви.

³ Эйнгорн И. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 68.

⁴ Архивно-следственное дело Гронского Ю. М. // Архив ФСБ Томской области.

⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 11-15.

⁶ Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост. В. Н. Уйманов. Томск, 1991–1994 гг. Т. 4. С. 35.

Одним словом, власти требовали не только лояльности к новому режиму, но и одобрения мероприятий коммунистов в отношении их религиозной политики. Подобные требования к католическим священникам еще в 1918 г. были отвергнуты Ватиканом. Любые попытки сопротивления подавлялись с революционной жестокостью. Так, в июле 1920 г. Сибревком предложил строго наказывать лиц, виновных в сопротивлении декрету. В 1921 г. состоялся судебный процесс над группой сибирских церковников, противодействовавших реализации декрета. В 1922 г. началась новая кампания по изъятию церковных ценностей под предлогом борьбы с голодом в Поволжье.

В Сибири ограбление церковных храмов под прикрытием борьбы с голодом приобрело массовый характер после принятия соответствующего постановления Сиббюро ЦК РКП(б) 25 марта 1922 г., но фактически оно началось с первых дней прихода большевиков к власти. Так, в ограблении католического храма в Томске участвовали коммунисты-поляки. В ЦДНИ ТО сохранились письма польской секции РКП(б) в губком партии с просьбой выдать им ордера на право конфискации у кс. Попалайгиса всех книг и документов ими же ликвидированного римско-католического общества и изъятия из костела фисгармонии-органа, «так как у ксендза есть две»⁷.

Их же усилиями у Томской католической общины была отобрана так называемая «ксендзова заимка» — большое подсобное хозяйство за городом. Что же касается изъятия церковных ценностей из Томского костела, то, по свидетельству кс. Гронского, этот процесс протекал без осложнений, так как сначала власти угрозами заставили костельный совет дать свое согласие на изъятие ценностей, а потом уже поставили о. Гронского перед фактом свершившегося. Из костела г. Томска в числе изъятых была, как говорил впоследствии на допросе кс. Гронский, только одна золотая кадилльная лодочка⁸. Томский костел не был в числе богатых. Всего по Сибири, как свидетельствуют историки, в ходе кампании 1922 г. по изъятию церковных реликвий партия большевиков получила 2 пуда 3 фунта золота, 622 пуда 25 фунтов серебра, золотых монет на сумму 2298 рублей и серебряных монет на сумму 16714 рублей⁹.

Тех, кто пытался спрятать и таким образом спасти церковные реликвии, ждали суды и расправы. Так, только в 1922 г. властями в Сибири было организовано более 250 судебных показательных процессов по фактам сопротивления изъятию ценностей. В числе противников неприкрытого грабежа церковного имущества были не только православные прихожане и священники, но и духовенство католических храмов Омска, Иркутска и Барнаула. Приговоры им были вынесены, по выражению одного из советских историков, «суровые, но справедливые»¹⁰. Мы пока не можем назвать поименно всех католических священников, ставших очередной жертвой антирелигиозной истерии, но имена тех, с ареста которых началась очередная волна репрессий против Католической Церкви в Советской России, хорошо известны верующим.

Параллельно с «делом патриарха Тихона» в столице карательными органами было сфабриковано дело против группы католических священников во главе с архиепископом Яном Цепляком и прелатом Будкевичем. На процессе, начавшемся 23 марта 1923 г. в

⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 340, 347.

⁸ Архивно-следственное дело Гронского Ю. М. ...

⁹ Эйнгори И. Очерки... С. 108.

¹⁰ Там же.

Москве, в качестве прокурора выступил печально известный Николай Крыленко. Первоначальный приговор поразил весь цивилизованный мир своей необыкновенной жестокостью и цинизмом. Архиепископ Цепляк и прелат Будкевич были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам заключения. На Западе этот приговор вызвал шквал протестов в церковных и политических кругах. Самую серьезную озабоченность по поводу судьбы католических священников и польского национального меньшинства в Советской России высказало польское правительство во главе с премьером В. Сикорским, который выразил самый решительный протест действиям советских властей. Президиум ВЦИК своим постановлением вынужден был приостановить исполнение приговора. 29 марта 1923 г. последовало новое постановление ВЦИК за подписью М. И. Калинина, согласно которому архиепископу Яну Цепляку высшая мера заменялась 10 годами заключения, но решение в отношении прелата Будкевича осталось прежним. Его убили 31 марта 1923 г. в Страстную субботу по западному стилю в подвале ВЧК на Лубянке выстрелом в затылок.

Бобрищев-Пушкин, адвокат на «процессе Цепляка - Будкевича», в своем выступлении в защиту подсудимых при обращении к судьям сказал: «Если рассматривать Католическую Церковь как контрреволюционную организацию, имеющую центр вне России, то у вас есть средство на это — Варфоломеевская ночь...»¹¹. Эти мужественные слова русского человека в защиту российских католиков оказались пророческими. Каждый год вносил все новые и новые дополнения в открывшийся мартиролог великомучеников, в том числе и за счет священников Католической Церкви в Сибири. Вот только несколько судебных сибирских ксендзов, о ком удалось узнать, расспрашивая старожилов и изучая документы из архивов ФСБ и УВД по Томской области, других городов Сибири.

1 апреля 1927 г. настоятель Новосибирского костела о. Николай получил короткую записку из полномочного представительства ОГПУ по Западной Сибири с просьбой «пану Михасенку Николаю» зайти 2 апреля в здание полномочного представительства ОГПУ в кабинет № 54 в 7 часов утра для беседы. Это была не первоапрельская шутка, а знак, ожидаемый о. Николаем уже давно. Уполномоченный ОГПУ Белецкий при встрече вежливо предложил присесть на стоящий у стола стул и стал участливо интересоваться, на какие средства живет служитель культа, получает ли из-за границы деньги и от кого, кому направляет свои отчеты о работе и что они содержат. Ксендз был с вежливым следователем с польской фамилией весьма краток и малоразговорчив. В свои 39 лет он был человеком уже опытным и хорошо знал, чем могут закончиться подобные вежливые разговоры¹².

Н. И. Михасенок, уроженец Витебской губернии, католический священник с 1911 г., после окончания духовной семинарии в Петербурге, в начале 1913 г. приехал в Сибирь нести людям Слово Божие. Десять лет — с 1913 по 1923 г. — о. Николай служил настоятелем католических приходов в пп. Двухреченском, Маличевском и Белостокском Томского уезда. Из Белостока в 1923 г. пришлось уехать в Томск из-за того, что местные советские власти отобрали жилой дом ксендза под школу, несмотря на протесты большинства жителей села. В 1925 г. о. Николай приехал в Новосибирск, где имелся костел, но не было священника. Но и в Новосибирске его вскоре также лишили жилья, а теперь —

¹¹ Религия и демократия... С. 494.

¹² Архивно-следственное дело Михасенка Н. И. // Архив ФСБ Новосибирской области.

Ксендз Н. Михасенок в кругу прихожан с. Белостока. Ок. 1922 г. Из личного архива

вызов в ОГПУ...

Арестовали его через день после вежливой беседы. Заключение под стражу, ему в тот же день предъявили пространное обвинительное заключение под несколько необычным названием: «Меморандум материалов на Новосибирского ксендза Михасенок Николая». Содержание же этого документа было стандартным и включало в себя пеструю смесь явной клеветы, слухов, агентурным образом собранных через сексотов сведений о ксендзе и его собственных признаний, сделанных на встрече 2 апреля (Сексот — секретный сотрудник, аббревиатура ОГПУ – НКВД. — *Прим. Ред.*).

Весть об аресте ксендза вызвала большое возбуждение среди католиков города. Многие связывали арест о. Михасенка с выступлением сторожа местной польской школы и одновременно председателя костельского совета Павла Гречихо в польском клубе города на вечере, где присутствовал приехавший из Москвы видный деятель польского и русского революционного движения, соратник Ленина Яков Ганецкий. На этом собрании П. Гречихо выступил с жалобой на притеснения католиков в городе, запрет преподавать католицизм в польской школе (в обвинительном заключении это преподносится как явное влияние священника). Другие связывали арест о. Николая с целью властей сорвать празднование наступающей Пасхи Христовой. Костельный совет даже написал заявление на имя начальника Новосибирского полномочного представительства ОГПУ с просьбой освободить кс. Михасенка из тюрьмы для исполнения религиозных треб «с 14 по 18 апреля с. г.: в четверг, пятницу и субботу с 9 часов утра до 14.00 часов и в воскресенье с 6 часов утра до 14.00 часов...».

Праздник Святой Пасхи новосибирские католики отмечали без своего духовника, горячо молясь за его скорейшее освобождение, а ксендза тем временем ежедневно водили на допросы, где он упорно отказывался признать себя виновным в предъявленных обвинениях. Следователю же вместе с начальником полномочного представительства

ОГПУ по Запсебкраю Заковским хотелось побыстрее доложить о своем вкладе в дело борьбы с католическим духовенством. Дважды предъявляли они следственные материалы на кс. Николая в краевую прокуратуру для утверждения, и оба раза дело возвращалось как явно неподготовленное, где все обвинение основывалось «лишь на слухах и впечатлениях». В конце концов следователи просто проигнорировали мнение прокурора и, ничего не меняя в деле о. Николая, направили сфальсифицированные материалы на него во внесудебные органы. Решением Особого Сопсования при Коллегии ОГПУ от 25 ноября 1927 г. о. Николай был приговорен к заключению в концлагерь сроком на три года без применения к нему амнистии. Наказание он отбывал в концлагере города Кемь — печально известного СЛОНа (Соловецких лагерей особого назначения).

К этому времени на Соловки было отправлено несколько десятков католических священников со всей территории СССР, и не зря 1927–1928 гг. в истории Католической Церкви России получили название «соловецких». Судьба же кс. Михасенка и далее складывалась не менее трагически.

Не успел еще о. Николай отбыть свой первый срок заключения, как «органы» уже побеспокоились о его дальнейшей судьбе. 28 апреля 1930 г. решением все того же Особого Сопсования ОГПУ дело ксендза было пересмотрено и к прежнему наказанию по отбытию срока заключения в концлагере добавлена высылка на три года через полномочное представительство ОГПУ в Северный край. На наш запрос в информационный центр Архангельской области в 1993 г. был получен ответ, что Михасенок Николай Иванович, 1888 г. р., высланный Особым Сопсованием при Коллегии ОГПУ в Северный край на 3 года, умер в г. Великом Устюге в 1933 г.: «Основание — отношение КИЧ-Городецкого Р. О. от 8 мая 1933 года, № 933»¹³. Таким образом, теперь достоверно не известно ни обстоятельств его последних дней жизни и смерти, ни места захоронения, ни точной даты кончины. Не известно, кто провожал его в последний путь, кто читал заупокойную молитву над его могилой и было ли все это вообще.

Конец 1920 – начало 1930-х годов в России характеризуются дальнейшим усилением репрессий как против всей Церкви, так и в отношении ее католической части. Гонения против католиков в это время можно объяснить не только периодом «обострения классовой борьбы в ходе начала коллективизации в стране», но также, отчасти, реакцией властей на объявленный Папой Пием XI «Крестовый Поход Молитв» за прекращение гонений на веру в России: «Спаситель мира, спаси Россию».

22 августа 1930 г. в Омске городским окротделом ОГПУ был арестован настоятель Омской римско-католической общины о. Бугенис (в миру Миколас сын Миколаса Бугенис, 1888 г. р., литовец, уроженец д. Ямгоняй Утенского уезда). Впервые он арестовывался в 1926 г., но те времена были еще относительно либеральными, и работники ОГПУ не смогли доказать вину Бугениса. Тогда он просидел под стражей в тюрьме около года. На этот раз ксендза обвинили по ст. ст. 58-4-6-10 УК РСФСР (помощь международной буржуазии, шпионаж, контрреволюционная агитация) и постановлением Коллегии ОГПУ от 20 мая 1931 г. осудили на 10 лет лишения свободы. Для отбытия срока заключения о. Бугенис был направлен сначала в Мариинский распределитель Сиблага ОГПУ, а в 1933 г. этапирован в г. Кемь в распоряжение Соловецких исправительно-трудовых лагерей ОГПУ¹⁴. Туда, где

¹³ Архив автора.

¹⁴ Там же.

до него сидел кс. Михасенок — не только его духовный брат, но и однокашник по духовной семинарии в Петербурге, товарищ и друг по жизни. Правда, Бугенису выпала несколько иная судьба: в 1934 г. по договоренности с Литовским правительством он был обменян на большевистских функционеров, содержащихся в литовских тюрьмах, и в составе группы ксендзов покинул СССР. О дальнейшей его судьбе сведения отсутствуют, во всяком случае до 1940 г. его жизни вряд ли что-нибудь могло угрожать.

Когда кс. Бугенис сидел в подвалах Омского ГПУ, и его судьба еще определялась местными чекистами, их коллеги в Томске уже готовили процесс над настоятелем Томской римско-католической общины, а с 1926 г. к тому же администратором католических храмов всей Сибири Юлианом Гронским. Причем делалось это с большим размахом, чем в Новосибирске в 1927-м или в Омске в 1930-м.

В январе 1930 г. в томской газете «Красное знамя» была опубликована анонимная статья под привычным тогда заголовком: «Борьба против религии — борьба за социализм. Жертва поповской агитации». В статье безымянный автор разбирал якобы присланное в редакцию заявление некоего рабочего колбасной фабрики Кретовича, в котором тот ставил вопрос о предоставлении ему, как католику, хотя бы двух выходных в год: 25 декабря (в день Рождества Христова) и в первый день Пасхи. Эти дни, по мысли автора письма, празднуют все рабочие-католики капиталистического мира, а он, заброшенный судьбой в далекую Сибирь, вынужден работать. Подобные устремления сибирских католиков автор статьи охарактеризовал не иначе, как контрреволюционные, направленные против укрепления обороноспособности страны и играющие на руку польским помещикам и капиталистам других стран. Вину за подобные настроения католиков-земляков автор возложил на кс. Гронского, который якобы своими проповедями заставил несознательного рабочего подать такое заявление и сделал его орудием своей борьбы за «срыв индустриализации и других совмероприятий».

Вскоре после публикации статьи и поездки ксендза по Нарымскому округу местные органы ОГПУ арестовали восьмерых жителей пп. Маличевка и Спулевка, что стояли на землях Кривошиинского района. Их обвинили в создании контрреволюционной группировки под названием «Кружок Христа», которая будто бы начала действовать еще в 1926 г. по инициативе ксендза Гронского и вела свою «гнусную» работу вплоть до своего ареста¹⁵. От арестованных добивались показаний на их духовника, а не дождавшись, решили примерно наказать. Двое из восьмерых, в том числе бывший костельный органист Иосиф Липницкий, были расстреляны; двое осуждены на 10 лет заключения в советских концлагерях; остальные получили меньшие сроки заключения или ссылку в Туруханский край. Забегая вперед, следует сказать, что все уцелевшие в 1937–1938 гг. будут вновь арестованы и расстреляны.

Арестовали кс. Гронского 25 апреля 1931 г. в его квартире по улице Бакунина, 17. Руководил арестом уполномоченный Томского ОГПУ Романов, чье имя было указано в ордере на арест Ю. М. Гронского и кто затем почти год терзал ксендза допросами и фактически определил его дальнейшую судьбу.

По воспоминаниям старожилов Томска, ксендз Гронский на момент ареста был уже пожилым человеком высокого роста, тучного телосложения, страдающим болезнью ног. Два увесистых тома архивно-следственного дела о. Юлиана, заведенного на него в 1931 г.

¹⁵ Архивно-следственное дело Липницкого И. В. // Архив ФСБ Томской области.

и в настоящее время хранящегося в архиве УФСБ по Томской области, позволили установить более подробно его биографию и, что не менее важно, воспроизвести относительно подробную картину положения католических священников в Сибири в конце 1920 – начале 1930-х гг.

Кс. Юлиан (в миру Юлиан Михайлович Гронский) родился в 1877 г. в с. Чепели Скопишской волости Ковенской губернии, в литовской католической семье. В начале века принял сан священника и с 1903 по 1907 г. служил в различных приходах Белоруссии. В 1907 г. он приехал в Петербург, но спустя год был отправлен в Ригу. Вернулся в столицу в начале войны с Германией и в 1915 г. был мобилизован в действующую армию, где до ноября 1917 г. служил священником при штабе 5-й армии. Был знаком и дружен со многими известными в столице людьми как светского, так и духовного сословий.

В июне 1918 г. митрополит фон Ропп направил о. Юлиана для Миссионерской деятельности в Иркутск. Получив благословение о. Януковича, тот направился в Сибирь через Фронты и воюющие армии. Весь путь до Иркутска длился более полутора лет. В августе 1920 г. Ю. М. Гронский прибыл к месту назначения, но сразу же был отправлен в Томск, где, по всей видимости, была нужда в священнике. Вначале служил в Томском костеле, затем с 1923 по 1925 г. жил в с. Андреевке Томского уезда, где также был костел. Позже вновь вернулся в Томск и с 1 ноября 1926 г. стал исполнять должность администратора католических приходов всей Сибири. Долг служения людям и Богу, непоколебимая вера в необходимость нести слово Божие людям заставляли его совершать длительные поездки в самые отдаленные уголки Сибири, где жили католики, но не было священников. Последних всегда-то в этих краях было немного, а тем более в годы двадцатые... В конце того десятилетия, признавался на одном из допросов кс. Гронский, совершать поездки стало практически невозможно из-за запретов и притеснений властей и органов ГПУ. Везде были слежка и провокации со стороны местных партийных активистов. В основном, их доносы и фигурируют против ксендза как свидетельские показания. И все же следует отметить, что было несколько оговоров Ю. М. Гронского и со стороны верующих. Очевидно, они были получены путем угроз и избиений. Ведь арестован был о. Юлиан не один, а вместе с целой группой прихожан (в основном, из числа членов приходских советов), проживавших в городах Томске, Барнауле, Омске, Новосибирске, селах Белостоке, Андреевке и других населенных пунктах Запсибкрая. Только по одному делу № 118410 с ним проходило 18 человек, были еще и самостоятельные дела, выделенные в особые производства.

7 марта 1932 г. вышеупомянутое дело № 118410 было рассмотрено, согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 9.06.1927 г., на заседании Коллегии ОГПУ. Самые строгие меры наказания — по 10 лет заключения в концлагерях — получили кс. Гронский и один из его прихожан. Последний, ставший по принуждению ОГПУ сексотом для слежки за ксендзом, позже раскаялся и все чистосердечно рассказал своему духовнику. «Расконспирация» и вызвала особую ярость чекистов. Кто-то из 16 оставшихся получили меньшие сроки или ссылку «из Сибири в Сибирь», семь человек были освобождены с зачетом в наказание срока предварительного заключения, троих обвиняемых освободили из-за «недоказанности обвинительных материалов». Объявив срок заключения в ГУЛаге на долгие 10 лет, о. Юлиана отправили осваивать этот проклятый людьми «архипелаг», но Церковь и Бог не оставили его: 28 января 1934 г. прежнее решение Коллегии ОГПУ было отменено, и он был выслан за пределы СССР. очевидно, как и кс. Бугенис, в обмен на

провалившихся на Западе чекистских эмиссаров или партийных функционеров.

Есть в материалах архивно-следственного дела кс. Гронского и краткие сведения о судьбах других сибирских католических священников. Так, о. Юлиан на одном из допросов говорит о ксендзе Бороковского прихода Мариинского уезда Томской губернии Марцелии Шварось, который умер в тюрьме; о ксендзе Ачинского прихода Иосифе Казакевиче, находившемся в ту пору в ссылке. Упоминает кс. Гронский также имена нескольких католических священников, оказавшихся в кон. 1920-х гг. в Сибири в качестве ссыльных и кому о. Юлиан помогал деньгами, вещами, продуктами, советами и молитвами по мере своей возможности. В их числе были священник восточного обряда (униат), один из лидеров русской Католической Церкви Алексей Зерчанинов — личность в истории Католической и Православной Церквей легендарная. С ним кс. Гронский был знаком еще по Петрограду 1917 г. и старался оказать помощь, когда о. Алексея сослали в Тобольск. Есть сведения о ксендзах Славинском, Трачинском, Барановском, Меньжинском и других, находящихся в нарымской ссылке. С кс. Барановским Ю. М. Гронский познакомился еще в 1909 г. в Полоцке и в кон. 1920-х гг. посылал ему на место сибирской ссылки церковное вино, облатки и деньги. Церковные принадлежности Л. Барановскому нужны были для совершения богослужений, хотя в то время в с. Тогуре, где он находился в ссылке, католиков не было. Воистину: «Где ксендз, там и месса...».

Дальнейшие поиски подробностей судьбы кс. Барановского позволили установить, что он стал объектом репрессий советских властей еще в нач. 1920-х гг. В 1926 г. он уже находился на Соловках и был одним из первых католических священников, кто начал участвовать в тайных богослужениях на острове и служить мессы в Германовской часовне, ставшей местом общих «евхаристических радостей» многих ссыльных католических и православных священнослужителей. В 1929 г. большинство священников-католиков были переведены на остров Анзер в еще более сложные условия¹⁶, а кс. Барановский оказался в ссылке в Нарымском крае и умер в с. Тогуре 14 декабря 1930 г. от сыпного тифа в возрасте 55 лет.¹⁷

Не менее трагично сложилась судьба другого ксендза Матвея Бринчака¹⁸. В 1930 г. он был выслан в Томск на 3 года из украинского города Бердичева, а 25 апреля 1931 г. уже в Томске одновременно с кс. Гронским вновь арестован. После 11 месяцев пребывания в тюрьме в марте 1932 г. М. Бринчак был освобожден за недоказанностью состава преступления. Выйдя на свободу из томской тюрьмы, по-прежнему оставаясь на положении административно-высланного и не имея средств к существованию, он написал заявление в Москву на Лубянку с просьбой заменить ему ссылку выездом в Польшу. Одновременно им делались попытки через своих добрых знакомых сообщить в Польское посольство в Москве о своем бедственном положении и желании выехать на родину. Ответа с Лубянки он не получил, по реакция местных чекистов была незамедлительной: 9 февраля 1933 г. М. Бринчака вновь арестовали, предъявив обвинение в стремлении «увязаться с польпосольством со шпионской целью», проведении в Томске религиозной пропаганды и в незаконных действиях (тайном крещении детей).

Виновным себя М. Бринчак не признал, но не отрицал своих антисоветских взглядов

¹⁶ Религия и демократия... С. 52.

¹⁷ Архив автора.

¹⁸ Архивно-следственное дело Бринчака М. М. // Архив ФСБ Томской области.

и факта крещения детей. 27 июля 1933 г. решением Особой тройки ОГПУ Запсибкрая он был осужден на высылку в Восточную Сибирь еще на 3 года и под конвоем отправлен в Красноярский край. Шел ему тогда 69-й год, но, смотря на такой преклонный возраст, он все же был признан трудоспособным и отправлен на соцстройки. Как и где конкретно отбывал ссылку кс. Бринчак, неизвестно, однако в 1936 г. он возвратился в Томск и вскоре умер. Похоронен был на католическом кладбище вблизи часовни св. Антония Падуанского, к тому времени еще не разрушенной. Провожали его в последний путь прихожане Томского прихода и приехавший из Иркутска кс. Жуковский. По всей видимости, кс. Бринчак был последним католическим священником, похороненным на старинном Томском католическом кладбище с соблюдением всех принятых религиозных обрядов. Буквально через 3 года кладбище властями будет закрыто и в годы войны полностью уничтожено.

Безусловно, что только вышеприведенными именами перечень сосланных в Томскую губернию в 1920–1930-х гг. католических священников не исчерпывается. Но о других сведений пока немного.

После ареста кс. Гронского должность администратора сибирских костелов перешла к кс. Иерониму Церпенто, настоятелю католической общины г. Красноярска. Пастырская деятельность в Сибири для него началась еще до 1917 г. в общинах Томской губернии. С 1908 г. при постройке в с. Белосток костела он был настоятелем тамошней сельской католической общины, образованной поляками-переселенцами кон. XIX – нач. XX вв. Затем И. Церпенто служил в Томске, Бийске, Барнауле, Ачинске, других городах и селах Сибири. В 1930 г. в Ачинске его пытались привлечь к ответственности якобы за смерть ребенка при крестинах, по, очевидно, обвинение было настолько абсурдным и грубо состряпанным, что ксендзу удалось доказать свою невиновность.

Свет на его дальнейшую судьбу проливает ответ Красноярского УФСБ на наш запрос в 1993 г.: «На ваш запрос отвечаем, что Церпенто Иероним Иеронимович, 1888 (по другим данным 1878) г. р., уроженец мест. Кривичи Виленского уезда Виленской губернии, белорус, гражданин СССР, образование высшее духовное и специальное — курсы фармацевтов, римско-католический священник, настоятель костела г. Красноярска и администратор костелов Сибири, проживавший в г. Красноярске, был арестован 2 июня 1935 г. органами НКВД.

Церпенто И. И. был обвинен в том, что вокруг костела организовал контрреволюционную группу и активно проводил шпионскую работу в пользу польских разведывательных органов. 24 июня 1936 г. Военный трибунал Сибирского военного округа приговорил Церпенто И. И. к 10 годам лишения свободы (статьи обвинения - 58-3, 58-6, 58-10, 58-11 УК РСФСР).

Отбывая наказание, в 1937 г. Церпенто И. И. вновь был привлечен к уголовной ответственности по обвинению в том, якобы являлся членом Сибирского центра «ПОВ» («Польская организация войсковая») и, будучи связан с Польским Генштабом и Ватиканом, в течение ряда лет проводил контрреволюционную повстанческую деятельность среди польских колоний Сибири. Постановлением Комиссии НКВД СССР и Прокурора СССР от 4.01.1938 г. Церпенто И. И. была назначена исключительная мера наказания расстрел. Постановление о расстреле приведено в исполнение 18 января 1938 г. в г. Красноярске...»¹⁹.

После ареста в 1935 г. кс. Церпенто обязанности администратора сибирских

¹⁹ Архив автора.

костелов перешли к ксендзу Иркутской общины Антонию Жуковскому, принявшему заботы о сибирских приходах и костелах как должное и хорошо осознававшеему все последствия своего решения. До этого он уже прошел не один круг испытаний, стоически перенеся все притеснения за Церковь Христову.

Еще в 1912 г. в Барнауле против него выдвигалось обвинение по ст. 92 Уложения о наказаниях Российской империи, по делу по амнистии было прекращено. В том же городе, по уже при советской власти в 1920 г. он 8 месяцев содержался под стражей органами ЧК в роли заложника. В 1926 г., уже в Иркутске, А. Жуковский был арестован и осужден к 3 годам заключения в лагерях с таким же сроком последующей ссылки. Заключение отбывал в Вышегорских концлагерях Урала, а ссылку — в «пределах Северного края». Освободившись, он вновь вернулся в Иркутск к своим прихожанам и начал совершать богослужения в Иркутском костеле и многих других местах Сибири, куда удавалось добраться, преодолевая множество препятствий. Потребность в его службах была великая, поскольку другие католические священники огромного сибирского региона были в это время в лагерях либо в ссылке. Но не долгов оставался век пастырской службы и у кс.

Жуковского. Приближался памятный многим 37-й год...

Арестовали А. Жуковского 14 июля 1937 г. в Томске, куда он приехал за месяц до того по просьбе местных прихожан²⁰. Следует отметить, что в числе прочих чекистов, кто

*Ксендз А. Жуковский на похоронах ксендза М. Бринчака. Томское римско-католическое кладбище, ок. 1936-1937 гг.
Из архива автора*

²⁰ Архивно-следственное дело Жуковского А. И.//Архив ФСБ Томской области.

вел дело ксендза, был лейтенант госбезопасности, начальник 3-го отдела Томского горотдела НКВД Романов — тот самый, кто в 1931 г., еще будучи простым сотрудником без офицерских ромбов, определял дальнейшую судьбу целой группы томских католиков кс. Гронским.

Первым делом работников НКВД, арестовавших Жуковского, интересовал круг его знакомых в Томске, Иркутске и других городах Сибири. Из томских жителей о. Антоний назвал исполняющего обязанности председателя томской католической общины Сигизмунда Пронского, сторожа костела Франца Шабутского, бывшего органиста костела Марьяна Войнаровского, секретаря костельного совета Ванду Томич и других членов костельного совета — всего 8 человек. Вскоре все они, за исключением только одной пожилой женщины, были арестованы и расстреляны²¹. Из знакомых в Иркутске кс. Жуковский назвал наиболее близких ему людей из числа активных прихожан своей общины. Их судьбы нам неизвестны, но вряд ли они отличались от судеб томских знакомых ксендза...

Допросив кс. Жуковского в Томске, его отправили в Новосибирск, и там уже с ним работали более изощренные следователи из числа специалистов ежовской школы. Сколько они с ним «работали», какими способами допрашивали, неизвестно, но результатом их действий стало собственноручно написанное дрожащей рукой ксендза заявление на имя следователя Кононова с признанием себя виновным во всех предъявленных ему абсурдных и нелепых обвинениях. В числе последних было и то, что А. Жуковский, наряду с ксендзами Ю. Гронским и И. Церпенто, являлся якобы членом подпольного так называемого Сибирского комитета, готовившего повстанческие легионы из числа сибирских католиков с целью организации в Сибири восстания и свержения советской власти.

4 октября 1937 г. Особое совещание НКВД СССР приговорило Жуковского Антония, 52-летнего католического священника, к высшей мере «социальной защиты» — расстрелу. Приговор привели в исполнение 12 октября 1937 г. в 10 часов вечера. Так перестало биться сердце еще одного служителя Церкви Христовой, очевидно, последнего католического священника Сибири, оставшегося на свободе до 1937 г.

А последнего католического епископа на территории СССР арестовали еще в 1935 г. Им был апостольский администратор Крыма, симферопольский священник Александр Фризон, тайно посвященный в епископы в 1928 г. Расстреляли его 17 марта 1937 г. в тюремном дворе Симферополя²². Таким образом, с этой смертью в СССР была полностью уничтожена католическая иерархия как латинского, так и восточного обрядов²³.

С арестом буквально всех католических священников не только в Сибири, но и по всей территории страны, репрессии против Католической Церкви и ее прихожан не только не прекратились, а наоборот приобрели массовый характер, охватывая десятки тысяч человек. В кон. 1937 – нач. 1938 гг. по всей Сибири прокатились волны массовых арестов поляков, латышей, литовцев, белорусов, немцев, т. е. тех, кто и составлял главным образом, приверженцев Католической Церкви в Сибири.

Наиболее массовые аресты национальных меньшинств «католической ориентации» прошли в местах их компактного проживания. Здесь, как правило, были зарегистрированы

²¹ Боль людская... Т. 1. С. 184; Т. 2. С. 426; Т. 3. С. 228, 372.

²² Сибирская католическая газета. No 3. Март 1995 г. С. 9–10.

²³ Религия и демократия... С. 507.

общины, построены костелы или открыты небольшие каплицы. Вот только несколько примеров репрессий католиков по Нарымскому округу. В 1937–1938 гг. было арестовано 86 жителей одного только Малиновского сельсовета Кривошеинского района, по национальности преимущественно латышей и поляков. Все они были прихожанами Маличевского костела. Только одному из арестованных суждено было остаться в живых, остальные же были расстреляны. Костел закрыли. В ночь с 11 на 12 февраля 1938 г. были арестованы практически все мужчины — от молодых парней до глубоких стариков — польского села Белосток. Подавляющее число их 14 мая 1938 г. было расстреляно, а Белостокский костел подвергнут разграблению²⁴. Двумя днями раньше, 12 мая, были расстреляны еще 122 нарымчанина-поляка. А 22 мая 1938 г. в центре Нарымского округа — городе Колпашеве — та же судьба постигла группу латышей и латгальцев в количестве 125 чел., якобы за участие в контрреволюционной националистической организации под названием «Партия святых».

Подобные массовые аресты, а затем расстрелы поляков, немцев и др. имели место не только в Нарымском крае, а буквально по всей Сибири. Как утверждает статистика Томского УФСБ, среди репрессированных по ст. 58 УК РСФСР жителей Томской области поляки составили 8,6% (вторая по численности группа после русских), украинцы — 5,7%, немцы — 3,5%, белорусы — 3,2%, латыши — 2,8%²⁵, занимая при этом на порядок меньший процент в общей численности населения области. Никто из них не был членом мифических «ПОВ», «Партии святых» и других контрреволюционных организаций. В подавляющем своем большинстве это были глубоко верующие христиане. Власти же, воспринимая Католическую Церковь не иначе как контрреволюционную организацию с центром вне России, использовали против ее приверженцев средство «Варфоломеевской ночи» — поистине средневековый массовый террор.

Сибирские католики в результате сталинских репрессий лишились всех своих священнослужителей, всех храмов и церковного имущества, утратили организационное единство, потеряли многих своих родных и близких, но не утратили главного — веры в Иисуса Христа и Его Церковь. И Церковь продолжала жить. Более того, буквально через 2 года, с 1940 г., благодаря «заботам» товарища Сталина, количество католиков в Сибири возросло в десятки раз. Тем самым были созданы предпосылки для будущего восстановления Католической Церкви в Сибири и написания новых, не менее сложных страниц ее истории.

Источники

- 1 Цыпин В. История Русской Православной Церкви 1917–1990 гг. М.: Издательский дом «Хроника», 1994. С. 30.
- 2 Религия и демократия: На пути к свободе совести. Сост. А. Р. Бессмертный. С. Б. Филатов. М.: Прогресс-культура, 1993. Вып. II. С. 491.
- 3 Эйнгорн И. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 68.
- 4 Архивно-следственное дело Гронского Ю. М. // Архив ФСБ Томской области.
- 5 ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1550. Л. 11-15.
- 6 Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Сост. В. Н. Уйманов. Томск, 1991–1994 гг. Т. 4. С. 35.

²⁴ Ханевич В. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993.

²⁵ Боль людская... Т. 4. С. 5.

- 7 ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1549. Л. 340, 347.
- 8 Архивно-следственное дело Гронского Ю. М. ...
- 9 Эйнгори И. Очерки... С. 108.
- 10 Там же.
- 11 Религия и демократия... С. 494.
- 12 Архивно-следственное дело Михасенка Н. И. // Архив ФСБ Новосибирской области.
- 13 Архив автора.
- 14 Там же.
- 15 Архивно-следственное дело Липницкого И. В. // Архив ФСБ Томской области.
- 16 Религия и демократия... С. 52.
- 17 Архив автора.
- 18 Архивно-следственное дело Бринчака М. М. // Архив ФСБ Томской области.
- 19 Архив автора.
- 20 Архивно-следственное дело Жуковского А. И. // Архив ФСБ Томской области.
- 21 Боль людская... Т. 1. С. 184; Т. 2. С. 426; Т. 3. С. 228, 372.
- 22 Сибирская католическая газета. No 3. Март 1995 г. С. 9–10.
- 23 Религия и демократия... С. 507.
- 24 Ханевич В. Белостокская трагедия (Из истории геноцида поляков в Сибири). Томск, 1993.
- 25 Боль людская... Т. 4. С. 5.